

тельствует о высоком уровне и масштабности финансовых операций, большой предприимчивости кооператоров, которая позволила им не только преодолеть финансовую катастрофу в стране, но и в значительной степени насытить сибирский рынок товарами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.д. 51, оп. 1, д. 1163, л. 3, 4.

² Государственный архив Иркутской области. Ф.р. 322, оп. 1, д. 37, л. 168.

³ Государственный архив Красноярского края. Ф.р. 127, оп. 1, д. 132, л. 3, 4.

⁴ ГАО. Ф. 31, оп. 1, д. 92, л. 37, 38.

⁵ Там же. Ф.д. 51, оп. 1, д. 1481, л. 136.

⁶ Протокол Общесибирского съезда работников неторговых отделов Сибирских кооперативных союзов от 29 декабря 1918 г., 6 января 1919 г. Красноярск, 1919. С. 25.

⁷ ГАО. Ф.д. 51, оп. 1, д. 1184, л. 119, 120.

⁸ Там же.

⁹ Закупсбыт: Хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916–1923) / Ред.-сост. А.А. Николаев. Новосибирск, 1999. С. 231.

¹⁰ ГАО. Ф.д. 51, оп. 1, д. 1184, л. 293, 294.

¹¹ Там же. Л. 105.

¹² Там же. Д. 1329, л. 4, 5.

В.П. ШАХЕРОВ

кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета

ГОРОДСКИЕ ЯРМАРКИ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В СИБИРИ XVIII–XIX ВВ.

С присоединением Сибири началось формирование хозяйственных связей и собственно сибирской экономики, с одной стороны, и вовлечение новых территорий в общероссийское экономическое пространство, с другой. Расширение рыночных отношений в той или иной степени содействовало открытости экономики. На практике это означало установление добровольных и взаимовыгодных обменных процессов как внутри локальных территорий, так и между ними. Образование устойчивых межрайонных связей способствовало формированию регионального рынка. В советской литературе осторожно писали о постепенном включении Сибири в формирующийся всероссийский рынок уже с XVII в.¹ Следует сказать, однако, что в современной историографии понятие «всероссийский (национальный) рынок» вообще разработано очень слабо. Б.Н. Миронов, посвятивший проблеме внутреннего рынка России специальное исследование, отмечал, что национальный рынок — это не простая совокупность локальных рынков, а «система вза-

имосвязанных местных рынков, объединенных в целое общей функцией — осуществление товарообмена между производителями и потребителями в масштабе всей страны — на основе товарного производства и географического разделения труда»². Именно в силу этого отдельные регионы включаются в общенациональное воспроизводство и образуется хозяйственная общность страны. По мнению Б.Н. Миронова, только к середине XIX в. российскому рынку стало присуще внутреннее единство, а экономика приобрела черты единого хозяйственного организма, действующего на основе территориального разделения труда³.

Общая экономическая зависимость Сибири от России, прежде всего в промышленном отношении, наряду с региональными особенностями замедляла формирование региональных рынков. Вплоть до начала XIX в. можно говорить лишь о развитии местных рынков, основанных на простом обмене городской и сельской продукцией или на определенной специализации отдельных территорий. Межрегиональные связи были

развиты слабее. Например, товарооборот между Западной и Восточной Сибирью сводился лишь к ограниченным статьям сельскохозяйственной продукции и крестьянских промыслов. Отмечая отсутствие собственной обрабатывающей промышленности в регионе, официальные источники еще во второй половине XIX в. указывали, что Восточная Сибирь «снабжается не только всеми мануфактурными произведениями из Европейской России и из-за границы, но даже некоторые предметы первой необходимости и сырые произведения привозятся издалека, так, например, коровье масло, кожи, рогажи, циновки и т.п. получают из Западной Сибири»⁴.

В XVII—первой половине XVIII в. роль перевалочного центра между Западной и Восточной Сибирью отводилась Енисейску, который к тому же был одним из основных центров меховой торговли. Но с прокладкой Московского тракта Енисейск, лежащий севернее, утратил свое значение и его функции отошли к Томску. От Иркутска до Томска протянулась основная дорога, а от Томской пристани товары отправлялись дальше водным путем. По этому пути в основном и совершалась переброска китайских товаров из Кяхты и сибирской пушнины на запад, навстречу которым шли российские и европейские товары, в основном продукция промышленного производства, для промена в Китай и реализации на внутренних рынках Сибири. Таким образом, основная часть товарообмена между Европейской Россией и Сибирью приходилась на транзитную торговлю, которая обеспечивала интересы русско-китайской торговли. Лишь немногие сибирские предприниматели были задействованы в осуществлении товарообмена между метрополией и сибирскими окраинами, хотя, конечно, транзитная торговля содействовала развитию путей сообщения и сибирского транспорта, стимулировала рост мелкого предпринимательства и простейших видов обрабатывающей промышленности⁵. По меткому замечанию Н.С. Щукина, Кяхта рассыпала «на пути до Нижнего миллионы рублей»⁶.

Необходимо также добавить, что восточная часть Сибири специализировалась на промысловом хозяйстве, в то время как на западе основу экспорта составляло сельскохозяйственное сырье. Продукция Западной Сибири была более ориентирована на Ирбитскую ярмарку. Так, в 1808 г. почти из 350 торговцев, производивших операции на ярмарке, купцов из городов Восточной Сибири было всего 27, в то время как за-

падносибирских — 93, а с торгующими бухарцами, живущими в южных поселениях региона, их число доходило до 116⁷. Крупные же предприниматели из Иркутска и Забайкалья предпочитали обменивать свою продукцию на российские товары на Нижегородской ярмарке. Эту особенность в направлении товаропотоков из основных регионов Сибири отмечал еще Г.Н. Потанин. «Купцы западной половины Сибири, — писал он, — со своими тяжелыми и громоздкими, но дешевыми товарами ездили сбывать их на Ирбитскую ярмарку, где и покупали для своей половины Сибири продукты московской мануфактуры; купцы же восточной половины Сибири проезжали со своими легкими для провоза, но дорогими мехами и чаями до Нижегородской ярмарки и здесь закупали фабрикат»⁸.

Чем дальше на восток, тем большей была экономическая зависимость территорий от российского капитала. Если предприниматели Западной Сибири, особенно Тобольской губернии, используя традиционную хозяйственную ориентацию на Уральский регион, еще могли вывозить часть сибирской продукции на пограничные ярмарки и в Ирбит, являвшийся основным местом обмена продукции сибирского рынка на российские товары, то восточносибирское купечество, за исключением торговцев пушшиной и чаем, не имело доступа не только в Европейскую Россию, но и в Западную Сибирь. В целом Сибирь была отрезана Уралом от рынков Европейской России. В обмене Сибири с российским центром встречались два потока товаров: из Сибири — пушнина и небольшая часть сельскохозяйственного сырья, создававшие ее покупательную способность, а из России — промышленные товары потребительского характера: мануфактура, одежда, металлические изделия и т.п. Сельское и лесное хозяйство Сибири из-за отсутствия эффективного транспорта и дороговизны перевозок развивалось вне связи с российским рынком. Так, хлебный рынок Сибири определялся только внутренним спросом и колебаниями урожайности. Уже в конце XVIII в. предложение хлеба на местном рынке значительно превышало спрос, что заметно снижало цены на него и отнюдь не стимулировало процесс интенсификации земледелия и в целом сельского хозяйства. Это ценное сдерживание сохранялось до постройки железной дороги, позволившей Сибири вывозить свой дешевый хлеб на российский и мировой рынки.

Слабое развитие сибирской промышленности приводило к росту монополии российских купцов. В XVII—начале XVIII в. доля торговцев из России составляла не менее 70%. И позднее они господствовали на внутреннем рынке Сибири. Интерес богатейших российских купцов к восточным окраинам обуславливался большим спросом и высокой ценой на ввозимые туда изделия промышленного и ремесленного производства, которые обменивались на единственный пользующийся неизменным спросом на российском и мировом рынках товар — сибирские меха. Именно через пушной рынок, сформировавшийся уже к концу XVII в., Сибирь имела возможность интегрироваться в общероссийское экономическое пространство.

В стоимостном отношении сибирская продукция в несколько раз уступала более дорогим фабричным товарам. Вывоз свободных денег лишал Сибирь капиталов, необходимых для промышленного развития края, что еще более усиливало ее зависимость от России, превращая в аграрно-сырьевой придаток. «Потребности, — писал Н.М. Ядринцев о Сибири, — у нее развились сильно, но окупить их своими продуктами она не в силах: сколько она ни дает продуктов, она все в долгу у мануфактуристов»⁹. Среди причин слабости сибирской промышленности были недостаток капиталов и квалифицированной рабочей силы, засилье продукции российских фабрик и заводов. Невысокая мотивация инвестиций сибиряков в местную промышленность объяснялась также достаточно высокими доходами, которые давали торгово-предпринимательские операции, особенно на пушном рынке. По подсчетам М. Константинова, в карман купца, торгующего на севере Якутии, денег возвращалось в среднем в 4 раза больше, чем выходило из него¹⁰. Поэтому доходы, полученные от посреднических и торговых операций, не являлись стимулом для поиска новых рынков и иных форм предпринимательской деятельности. «При таких барышах, — отмечал В.М. Зензинов, — капиталистам, конечно, нечего заботиться о новых предприятиях, новых рейсах, новых путях — старое, испытанное, верное вполне удовлетворяло их аппетит, и ничто не побуждает их искать нового, может быть, неверного, ненадежного»¹¹.

В рассматриваемое время в Сибири были представлены все основные формы торговли: развозная (разъездная), ярмарочная и стационарная. До середины XVIII в. господствова-

ла караванно-развозная торговля. Торговая жизнь в населенных пунктах оживлялась с приходом купеческих транспортов. Съезды торговых людей происходили почти каждый месяц, но наиболее крупных размеров они достигали осенью, когда через сибирские города транзитом шли купеческие обозы в Кяхту. Отвечая на анкету Комиссии о коммерции, руководство иркутской земской избы отмечало: «Ярмарки в г. Иркутске во весь год от приезжающих разных городов и в разныя числа бывают с начала октября месяца, а начинаются от приезде как водяным, так и сухим путем летом и зимою обыкновенно»¹². С появлением ярмарок разъездная торговля стала делом мелкого купечества и приказчиков. Разъездной торговле в основном выполнял функцию обмена промышленных товаров на продукцию сельских промыслов. Основная задача его заключалась в объединении мелких местных рынков и в установлении связей между ними и центрами периодической торговли.

До поры до времени сложившаяся система внутреннего торгового устроивала сибирское купечество. Однако с ростом его численности и укреплением финансового положения оно начало более решительно бороться за свое монопольное положение на местном рынке. Еще в середине XVIII в. иркутские купцы, например, отказывались открывать в городе ярмарку, на которую торговцы из России могли бы привозить свои товары и продавать их в розницу. Но все же устоять перед давлением иногородних конкурентов, прежде всего российских коммерсантов, сибиряки не смогли. В учреждении ярмарок была заинтересована и администрация края. До середины XVIII в. торговля на ярмарках носила нерегулярный, спорадический характер, слабо подконтрольный центральной и местной администрациям. В этот период они возникали во многом стихийно как центры скупки пушнины у сибирских инородцев для последующего формирования в крупные оптовые партии, направляемые на российский и азиатский рынки. Во второй половине века ярмарочная торговля стала преобладающей формой торговли. Она выполняла накопительные, перераспределительные и транзитные функции в движении товаров, а также формировала местные потребности и спрос.

В конце XVIII в. ярмарочная торговля получила распространение по всей России. Городовым Положением 1785 г. предписывалось во всех городах «учреждать ежегодно одну яр-

марку или более». Но далеко не каждый город мог стать центром межрегионального обмена, замыкающим на себя все хозяйственные операции. Поэтому ключевых, межрегиональных ярмарок в Сибири было не так много. В первую очередь государство стремилось взять под свой контроль основные центры пушного промысла и торговли, которые в этот период сместились в восточные районы Сибири. В августе 1768 г. последовал указ Сената об учреждении в крупнейших торговых центрах Восточной Сибири — Иркутске, Верхнеудинске и Якутске — торговых ярмарок, действующих по определенным правилам и в строго установленном времени. В Иркутске предписывалось установить две ярмарки: осеннюю и весеннюю, в остальных городах учреждалось по одной ярмарке продолжительностью не менее двух месяцев. Создание же реальных ярмарочных учреждений произошло только в 1775 г., когда в Иркутске открылась первая официальная ярмарка. Обороты ее были весьма значительны. В конце XVIII в. ее товарооборот достигал 3,7 млн р., что составляло почти 6% общероссийского ярмарочного оборота¹³.

В Западной Сибири установление регулярной ярмарочной торговли относится к более позднему периоду. Первая такая межрегиональная ярмарка — Ишимская — была учреждена в 1797 г. В отличие от восточносибирских она являлась преимущественно аграрно-сырьевой и координировала движение грузов в сторону Урала и североказахстанских территорий. Со временем Ишим стал серьезным конкурентом для Ирбитской ярмарки. Еще в большей степени для этой роли предназначалась Васильевская ярмарка в Тюмени, открытая в 1845 г. Преимуществом ее было местонахождение на главном сибирском тракте и в начале обширной речной системы, в то время как Ирбит был удален от Московского тракта на 180 верст. Но традиционный характер установившихся еще с XVII в. торговых цепочек, ориентированных на Урал, не дал возможность перенести центр сибирской торговли в Тюмень, не имевшую глубоких корней в торговле. «Сила капитала уральских и других российских купцов, — по мнению В.П. Шпалтакова, — оказалась еще значительно превосходящей силу западносибирского капитала, а поэтому первые и не допустили потери своего контроля над общероссийским торговым центром, приносящим им стабильно высокие доходы»¹⁴.

Наряду с ярмарками, имевшими значение межрегиональных центров торговли, в Сибири существовало много ярмарок и торжков сельского типа, обслуживавших местный рынок. Большинство из них появилось в начале XIX в. вследствие усилий местной администрации. В 1818 г. в Восточной Сибири, например, насчитывалось 57 различных ярмарок и базаров с годовым оборотом почти в 5 млн р. Продолжительность их колебалась от одного дня до двух месяцев. Наиболее оживленный торг происходил зимой. На этот период приходилось до 70% всего привоза товаров. Исключение составляли ленские ярмарки. Они отличались многочисленностью и специализировались на пушной торговле. Кроме уездных центров торговля происходила в шести волостях и четырех инородческих родах. Определенных ярмарочных мест здесь не было, и торговля велась на всем протяжении реки с купеческих паузков и барок. Время проведения ее устанавливалось с 10 мая по 1 июля и совпадало с началом навигации на Лене.

Почти все ярмарки Западной Сибири располагались в Тобольской губернии, что объяснялось ее большей заселенностью и более развитым сельским хозяйством. В 1834 г. в Тобольской губернии насчитывалось 46 ярмарок, в Томской — лишь 4. Необходимо, правда, заметить, что некоторые ярмарки существовали только на бумаге. Нередко распоряжения об их открытии, особенно у инородцев, делались наспех, без учета местных условий и традиционных торговых связей. В 1859 г., например, в Восточной Сибири числилось 133 ярмарки, но из них на 57 торги не производились¹⁵.

Характерной особенностью ярмарочной торговли было преобладание привоза по сравнению с количеством распродаваемых товаров. Как правило, реализовывалось не более 50–60% привезенных на ярмарки товаров. Не распроданные товары частью оставались в городе для стационарной торговли, но в большинстве своем переходили на другие ярмарки. Как правило, купцы, получив партии товаров с Нижегородской или Ирбитской ярмарки, реализовывали их в декабре в Иркутске, а в январе переезжали на Верхнеудинскую ярмарку и далее в Кяхту. К марту они возвращались в Иркутск на вторую ярмарку уже с китайскими товарами, а в мае выезжали на ленские и Якутскую ярмарки. В сентябре торговцы вновь собирались в губернском центре с большими партиями пушнины и дожидались новых обозов с российскими

ми и европейскими товарами. Таким образом, устанавливался своеобразный товарооборот в виде кругооборота с движением товаров в ту или другую сторону. Несколько ярмарок составляли цепочку, в определенной последовательности сменяя друг друга в течение года. Как правило, такие цепочки выстраивались вокруг узловых межрегиональных ярмарочных центров (Иркутск, Тобольск, Ишим, Тюмень), в свою очередь связанных с местами общероссийских ярмарок (Нижний Новгород, Ирбит) и пограничной торговли (Кяхта, Семипалатинск).

Как справедливо отмечала Т.К. Щеглова, развитие сибирского товарооборота осуществлялось «через механизм ярмарочных кругов и ярмарочных цепей, которые взрывали административно-территориальные границы и устанавливали свои границы по диаметру влияния важнейших ярмарок (ярмарочные круги) или цепочки передвижения товаров»¹⁶. Причем если западносибирские цепочки ориентировались в юго-западном направлении (Урал, казахские степи, Средняя Азия), то ярмарки Восточной Сибири включали в свою схему северо-восточные и пограничную торговлю с Монголией и Китаем. С присоединением Приамурья и Приморья их снабжение всем необходимым также шло из Иркутска. Но по мере становления Дальневосточного региона логика экономического развития заставляла искать более удобные источники снабжения, в основном через торговлю из северного Китая и тихоокеанскую. Доставка морским путем товаров из Одессы оказалась более выгодной. Она занимала около 65 дней, тогда как на их транзит через Сибирь уходило до 10 месяцев. Успехи хозяйственного развития на Амуре способствовали тому, что с 1880-х гг. даже Забайкалье стало в большей степени снабжаться промышленными товарами через Амурский край. Вследствие этого забайкальский рынок отошел к торговому району с центром в Благовещенске.

К середине XIX в. в Сибири сложилась своеобразная иерархия ярмарок, охватывавших все ее экономическое пространство, от группы оптовых узловых ярмарок до мелких сельских ярмарок и базаров. При этом межрегиональные ярмарочные цепочки являлись каналами, посредством которых реализовывались связи Сибири с Уралом и Россией, Приамурьем, Средней Азией и Китаем. Во второй половине XIX в., несмотря на рост числа ярмарок, объемы оборотов и роль их на местных рынках падают. Да и расширение сферы ярма-

рочной торговли в это время наблюдалось в районах сельскохозяйственного производства, что свидетельствовало в первую очередь о росте аграрного рынка Сибири, особенно после прокладки железной дороги. Сокращение же торговли на крупнейших ярмарках Сибири, по мнению Т.К. Щегловой, свидетельствовало о начале перехода с уровня «рыночной экономики» на уровень «капитализма»¹⁷. В наиболее крупных торговых центрах, таких как Иркутск и Верхнеудинск, купечество выступало за сокращение числа ярмарочных дней и самих ярмарок. В Иркутске проводились две ярмарки, осенняя и весенняя, общей продолжительностью до трех месяцев. Появились они в то время, когда местное купечество было слабым и торговля всецело зависела от привозных товаров из России. К началу XIX в. иркутские предприниматели окрепли, вышли на сибирский и даже общероссийский рынок и «начали уже сами на многотысячные суммы доставлять в Россию китайских товаров и на обмен оных привозить оттуда российских»¹⁸. Количество привозимых ими товаров вполне удовлетворяло потребности в них не только города, но и всего уезда. В 1830 г. иркутскими купцами было доставлено товаров почти на 6 млн р., что в 8 раз превосходило общий привоз на Иркутскую ярмарку¹⁹. В этих условиях существование двух продолжительных ярмарок в Иркутске не отвечало интересам местных предпринимателей. По их требованиям ярмарочная торговля здесь была ограничена одной месячной ярмаркой, происходившей в декабре. Еще ранее, в январе 1817 г., в Верхнеудинске вместо двух ярмарок была учреждена одна — с 15 января по 1 марта²⁰.

Ярмарочная торговля носила сезонный характер, имела временные и пространственные рамки, являлась формой оптовой торговли. Она исключала широкие слои городского населения из непосредственных торговых операций. Основной торг происходил между крупными иногородними и местными предпринимателями. В этих условиях необходимой становилась стационарная торговля, имевшая более продолжительные контакты между продавцом и покупателем. О степени распространения такой торговли свидетельствовало большое количество магазинов и лавок в ведущих городах Сибири. Так, в Иркутске в середине XIX в. их количество возросло до 723, что превышало показатели Тобольска, Томска и Тюмени вместе взятых²¹. В среднем приходилось по одной торговой точке

на 20 горожан. Более высокой степени коммерческого сервиса не было ни в одном другом сибирском городе. Всего же в сибирских городах насчитывалось немногим более 3 тыс. лавок и других точек торговли. В основном они располагались в наиболее крупных городах региона.

Стационарная торговля, как и периодическая, носила малоспециализированный характер. В одной лавке продавались самые разнообразные товары. Естественно, основная часть торговой инфраструктуры была сосредоточена в центре города. «Пройдите и теперь по далеко протянувшейся Большой улице, — писал корреспондент “Сибирской газеты” об Иркутске 1880-х гг., — по Пестеревской, Арсенальской, Преображенской и некоторым другим — вас поразит масса магазинов, лавок, вытянувшихся в обширную линию, почти всегда посещаемых публикой, и — каких магазинов!.. Магазины Второва и Дмитриева, лавки Тельных, Кальмеера, Щелкунова, Переломова, фотографии Милевского, кондитерская Ходкевича и другие могли бы, без всякого ущерба для своей репутации, красоваться на Дерибасовской или даже на Невском...»²² Заметное расширение специализированной торговли через лавки, магазины, пассажи стало возможным после ввода в действие железной дороги, что способствовало росту городского населения и развитию торговой инфраструктуры сибирских городов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 93.

² Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 5.

³ Там же. С. 243.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290, оп. 2, д. 975, л. 20.

⁵ Подробнее см.: Шахеров В.П. Роль русско-китайской торговли в развитии сибирского предпринимательства (конец XVIII—первая половина XIX вв.) // Взаимоотношения народов

России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1996. С. 49–64.

⁶ Щукин Н.С. Быт крестьянина Восточной Сибири // Журнал министерства внутренних дел. 1859. № 2. С. 42.

⁷ РГИА. Ф. 13, оп. 1, д. 376, л. 11.

⁸ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 238–239.

⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 362.

¹⁰ Старцев А.В. Торговля сибирской пушной на ярмарках во второй половине XIX—начале XX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 64.

¹¹ Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1916. С. 95.

¹² Корейша Я. Материалы по истории города Иркутска в XVIII в. // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1914. Вып. 2. С. 159.

¹³ Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII—первой половине XIX вв.: Очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001. С. 50.

¹⁴ Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 208.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 414, оп. 1, д. 418, л. 38 об.

¹⁶ Щеглова Т.К. Ярмарки Сибири второй половины XVIII—начала XX в. в свете новых подходов // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 272–273.

¹⁷ Там же. С. 276.

¹⁸ Государственный архив Иркутской области. Ф. 70, оп. 1, д. 2793, л. 29 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1281, оп. 11, д. 47, л. 421 об.

²⁰ Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 20, оп. 1, д. 5771, л. 88.

²¹ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. М., 1854. Ч. 2. С. 570.

²² Сибирская газета. 1888. № 2. С. 8–10.